Алёна Мельникова

ЗЛОДЕЙКА ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ

Жена генерала-дракона

Алена Мельникова

Злодейка из последней главы. Жена генерала-дракона

«Автор»
2026

Мельникова А.

Злодейка из последней главы. Жена генерала-дракона /
А. Мельникова — «Автор», 2026

Роман я дочитала в последней электричке. Злую мачеху там казнили на рассвете, и я была не против, пока не открыла глаза над чужим брачным договором. С пером в руке.Теперь эта мачеха — я. Леди Изольда Дейр, жена генерала-дракона, которая продаёт падчерицу старому графу за долги брата. До казни сто дней. Муж ждёт моей подписи под разводом и ни одному моему слову не верит. А прекрасный лорд, «истинный» моей падчерицы, — тот самый, кто всё и подстроил.Одно хорошо: двадцать лет я вела чужие разводы и привыкла читать бумаги до конца. Включая оборот.В книге:— попаданка-юрист сорока шести лет в теле книжной злодейки;— суровый генерал-дракон, который верит фактам, а не слухам;— падчерица, которая ненавидит мачеху и имеет на это право;— поддельная метка истинной пары, суд огнём и заговор с подписями;— от ненависти до любви, юмор и счастливый конец.

© Мельникова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний рассвет 5
Глава 1. Оборот листа 7
Глава 2. Сто дней 11
Глава 3. Как изволите 16
Глава 4. Долг чести 21
Глава 5. Под печать 25
Глава 6. Сорок и один 30
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Алена Мельникова
Злодейка из последней главы. Жена генерала-дракона

Пролог. Последний рассвет

Злую мачеху казнили в последней главе. Я была не против, пока не дочитала.

Анжелика Ланская. «Истинная для лорда Сореля». Глава тридцатая, последняя

На рассвете мою мачеху повели на эшафот, и я не заплакала.

Над Звёздной площадью ещё дотлевали костры Долгой Звезды. Ночью в них горели письма тем, кого нет рядом, и моё письмо маме тоже сгорело там. А теперь небо розовело, нежное, точно лепесток шиповника, и не верилось, что под таким небом кто-то должен умереть!

Но леди Изольда Дейр должна была. Так решил Звёздный суд, так решил сам император.

Она шла между стражниками в сером платье, без единого кольца, с непокрытой головой. Тёмные волосы ей остригли по самую шею. Я ждала, что она станет рыдать, молить о пощаде, упадёт на колени перед отцом… Но даже теперь в её чёрных глазах не блеснуло ни слезинки раскаяния! Женщина, которая продала мою Ласку, заперла меня в башне, подсыпала яд моему любимому и писала врагам империи о тайных тропах драконов, поднималась по ступеням так, будто всходила на бал.

— Не смотри, моя звезда, — шепнул Эдриан.

Он стоял рядом, мой супруг, мой истинный, мой лорд Сорель. Уже целую ночь он был моим перед огнём и людьми! Его рука в белой перчатке сжала мои пальцы так крепко, что стало немножко больно. Но разве это боль? Это любовь боялась за меня.

— Я должна, — ответила я. — Ради мамы. Ради отца.

На последней ступени мачеха обернулась. Я думала, она поищет глазами меня или того, чьё имя носила два года. А она посмотрела на Эдриана, долго и странно, и вдруг рассмеялась хриплым злым смехом на всю площадь! Губы её шевельнулись, она что-то сказала ему, но тут ударили барабаны, и последних слов изменницы не услышал никто. Да и стоило ли их слушать?

Эдриан ласково повернул моё лицо к своему плечу. От его камзола пахло лавандой и дымом праздничных костров.

— Вот и всё, моя звезда, — сказал он. — Больше никто и никогда тебя не обидит.

Я услышала только, как ахнула толпа. А когда подняла голову, над крышами Аурена вставало солнце, и колокола Звёздной башни звонили так чисто, словно сама зима просила у меня прощения.

Отец стоял у подножия помоста один, без мундира и без меча. Накануне он положил к ногам императора жезл Северного крыла. Когда я подбежала, он не обнял меня и не сказал ни слова, всё глядел туда, где уже никого не было. Бедный мой отец! Жестокая женщина отняла у него и честь, и небо. Эдриан сказал, что ему нужен покой, а обо всех делах нашего рода отныне позаботится он сам.

Через месяц имперский совет одобрил передачу Серебряных копей Лорн моему супругу. Я подписала бумаги не читая. Разве истинные читают бумаги друг друга? Серебряный узор на моём запястье холодил кожу, как первый снег, а Эдриан целовал мне руку поверх метки и называл своей звездой.

Так закончилась зима моего детства и началась весна моей любви.

Конец.

* * *

Я ткнула пальцем в экран. Дальше шли благодарности читательницам и реклама второго тома, про чью-то младшую сестру. Электричка в двадцать три сорок тащилась от Сортировочной, в вагоне кроме меня ехал мужик с удочками, и тот спал.

Да не так всё было!

То есть как оно было, я знать не могла. Эту Изольду Дейр мне тридцать глав показывали глазами обиженной девочки. Но я двадцать лет слушаю обиженных, я семейный юрист, у меня развод на разводе и опекой погоняет. Если у одной стороны всё зло мира, а у другой сплошной шиповник, значит, первую сторону просто никто не спросил.

Ну вот смотрите. Письма врагам нашли в девятнадцатой главе. А почерк кто сличал? Никто, «все сразу узнали её руку». Жениха она травила, только жених почему-то жив-здоров и на казни стоит в белых перчатках. От приговора до плахи одна ночь. Обжалование? Не слышали! Последнее слово подсудимой автор заглушила барабанами. Удобно-то как.

И главное. Я отлистала на страницу назад, к копям.

Жених у нас из рода знатного, но обедневшего, Анжелика Ланская сама так написала ещё в третьей главе. Через месяц после свадьбы он получает серебряные копи. Генерал, который мог бы поинтересоваться, с какой это радости, сидит в отставке и «сломлен». Мачеха, которая два года держала ключи от дома, уже ничего никому не расскажет. А девочка подписывает не читая и ещё гордится!

У меня такие дела называются «ищи, кому отошла квартира». Квартира всегда кому-нибудь да отходит…

Книжку эту в пятнадцать лет обожала Катя, я потому её и открыла.

А теперь мне захотелось оставить отзыв. Честное слово, первый раз в жизни, и под чем, под романом про драконов! «Уважаемая Анжелика, по вашему делу остались вопросы». Я даже успела набрать «Уважаемая».

Тут за грудиной зажало.

Весной там кололо, в сентябре после заседания тянуло, и оба раза мы с сердцем договорились, что оно подождёт до отпуска. Отпуск был записан на январь. Сейчас на грудь мне сел кто-то тяжёлый и вставать не собирался. Телефон выскользнул и поехал по лавке. Мужик с удочками спал. До красной ручки стоп-крана было четыре шага, я их посчитала, а подняться уже не смогла.

Приплыли.

Темно было недолго. Потом в пальцах у меня оказалось перо.

Глава 1. Оборот листа

— Подписывайте, миледи. Чернила сохнут.

Чернила и правда сохли. На кончике пера висела чёрная капля, перо торчало из пальцев, а пальцы были длинные, в кольцах, и видела я их впервые в жизни.

Перо я на всякий случай не выпустила. Клиенткам своим я это двадцать лет твердила. Не помнишь, как оказалась с ручкой над бумагой, — руку убери, а ручку держи при себе, пригодится.

Последнее, что я помнила, — электричка, пустой вагон и дочитанный роман в телефоне. Ещё помнила, как зажало за грудиной. Я вдохнула на пробу, мелко. Потом глубже. Воздух дошёл до самого дна, и ничего не кольнуло. Сердце колотилось часто, но ровно, без провалов, а под столом у меня тряслись колени, чужие. Дальше по всем правилам полагалась скорая или, при плохом раскладе, совсем ничего. Стол под зелёным сукном в раскладе не значился!

— Миледи? — Справа завозился человечек в чёрном, круглый, мокрый, с платком в кулаке. — Позвольте, я песочком… у меня и песочек с собой…

— Сядь, Пелль, — сказали напротив. — Не мельтеши. Товар глазами смотрят, а платят руками. Леди смотрит.

Говорил старик с плечами грузчика. На животе у него лежала золотая цепь толщиной в мой палец, то есть в мой прежний палец, нынешние были тоньше. Старик сидел, расставив колени, и никуда не торопился.

— Изи, — заныли у окна. — Изи, ну что ты как неродная? Подмахни, да поедем обедать. Я с утра не ел!

Изи. Здрасьте-приехали. Меня так даже в пионерлагере не звали. У окна маялся красавец лет тридцати пяти в мятых кружевах, грыз ноготь и на бумагу старался не глядеть.

А я в бумагу как раз уставилась, привычка оказалась крепче инфаркта. Буквы были чужие, с завитками, но читались легко. И очков не понадобилось, хотя я без них уже лет пять меню в кафе не разбираю.

«Брачный договор между его сиятельством графом Бернардом Хольтом и девицей Лианой Дейр, дочерью генерала Кассиана Дейра, за которую по грамоте хозяйки выступает леди Изольда Дейр, урождённая Гарт. Писано в крепости Высокий Дейр в первый день Листопада…»

Шапку я прочла два раза. Хольт, Лиана, генерал Дейр… Эти фамилии я час назад листала в телефоне, где-то после Сортировочной.

Да ладно! «Истинная для лорда Сореля», глава вторая, называется «Договор». Злая мачеха продаёт падчерицу старому графу за долги брата, а читательницы в комментариях желают ей сдохнуть. Желание, к слову, исполняется, в тридцатой главе её казнят на рассвете при большом стечении народа.

Катя, которая эту книжку любила, — моя падчерица. Она мне пять лет не звонит, вот я и читаю то, что после неё осталось в общей библиотеке.

Мачеха в этой главе, получается, я. С пером. Ёлки-палки, ну хоть бы в кого приличного!

— Леди Дейр читать изволит? — Старик хмыкнул. — Дело хорошее. Только там всё, как вчера говорили. Сговорено — что отрезано.

— Читаю, — сказала я. Голос вышел низкий, на тон ниже моего собственного. — С вашего позволения, до конца.

— До конца-а? — простонал красавец. — Изи, там шесть листов!

— Тем более.

Первый лист был про невесту, второй про свадьбу до первого снега. Интересное нашлось на третьем. Приданое девицы Дейр, доля в Серебряных копях Лорн, отходило супругу «по одобрении имперского совета».

Я перечла строчку. Ну-ну. Что тут за совет и с какой радости ему что-то одобрять, я понятия не имела, я в этом мире десять минут. Зато «по одобрении» на любом языке читается одинаково. Пока какой-нибудь дядя наверху не поставит печать, графу от этих копей причитается дырка от бублика.

А граф-то знал? Он что-то считал про себя и на третий лист не косился.

— Мэтр, — сказала я, — а совет уже одобрил?

Человечек с платком подскочил.

— Совет? Какой… ах, совет! Это формальность, миледи, чистая формальность, все так пишут, образец утверждён ещё при покойном…

— То есть не одобрил.

— Пелль. — Хольт сказал это тихо, но платок у нотариуса застрял на полдороге ко лбу. — Это она про что?

— Про третий лист, ваше сиятельство, — ответила я вместо мэтра. — Почитайте на досуге.

Шестой лист кончался местом для подписей. Я его перевернула, и красавец у окна бросил свой ноготь.

— Изи, там пусто. Там же ничего нет, это оборот, ну кто читает оборот?

— Я читаю.

Пусто там не было. «Приложение. Поручительство». Леди Изольда Дейр, урождённая Гарт, ручалась перед графом Хольтом за долги брата своего Ноэля Гарта, тысяча двести золотых. В обеспечение шло имение Ивовый Лог. При неуплате поручительницу ждала долговая башня «до полного расчёта». Внизу стояли подпись «Изольда Дейр» и печать мэтра Пелля.

Твою ж налево.

Таких бумаг я за двадцать лет видела вагон. Жена ручается за мужнин кредит, муж растворяется, жена остаётся с приставами. Здесь за мужа был братец, а за приставов башня. Подпишу договор, и долг спишут, только девочку семнадцати лет увезёт вот этот, с цепью. А если не подпишу?

Сколько весит местный золотой, я не знала. Но Ноэль у окна стал цвета оконной замазки, так что весил он, надо думать, прилично.

— Мэтр Пелль, — сказала я, — тысяча двести — это с процентами или без?

— Изи!

— С процентами, — сказал Хольт. Он подался вперёд, и стул под ним крякнул. — Без них тысяча ровно, я лишнего не беру. А вы, миледи, сегодня какая-то… грамотная. Вчера вы эту бумагу и глядеть не стали. Несите, сказали, где тут крестик ставить.

— Вчера я плохо спала.

— А нынче, стало быть, выспались.

Капля на пере наконец сорвалась и шлёпнулась на сукно, мимо листа. Пелль охнул и полез к ней с платком. Я положила перо поперёк чернильницы, а руки убрала на колени.

— Что ж вы, миледи, — сказал Хольт. — Уронили?

— Положила.

— Отказ, стало быть?

— Перерыв. Ходатайствую о перерыве, ваше сиятельство.

— Чего она?

— Изи шутит. — Ноэль отлип от окна и в три шага оказался у моего плеча. Пахло от него вином и мятной пастилкой поверх вина. — У неё с утра мигрень, она при мигрени всегда… Изи, — это уже мне в ухо, — ты что творишь? Ты же сама его позвала. Сама!

Сама, значит. Ну спасибо, леди Изольда, удружили.

— Ваше сиятельство, вы человек торговый, давайте считать. Вы прощаете тысячу двести живыми деньгами. А получаете жену семнадцати лет и долю, которой нет и, может, не будет. Вам бы такое приказчик в лавке предложил, вы бы что с ним сделали?

Хольт долго молчал. Цепь у него на животе поднималась и опускалась.

— Прощать я ничего не собирался, — сказал он наконец. — Я своё с копей думал взять, года за три. Мне вот этот, — он кивнул на Ноэля, — так расписал.

— Я говорил «скорее всего»…

Третий лист граф всё-таки взял. Читал он с пальцем, и на «по одобрении» палец встал. Пелль за это время вытер лоб, шею и зачем-то крышку чернильницы.

— Та-ак. — Лист лёг обратно. — С тобой, мэтр, я после потолкую. В Вельске, без дам.

Потом он развернулся ко мне всем корпусом, и стало ясно, что перерыв окончен.

— Ловко, миледи. Товар мне, выходит, совали с гнильцой, а вы глаза открыли. Благодарствую. Только оборот-то вы тоже прочли. Невеста — затея ваша, не моя. Вы с братцем сами пришли: возьми, мол, девицу, а должок скости. Я вдовый, отчего не взять. Не хотите — неволить не стану, я девок силком не беру. Тогда деньги. Счёт дружбы не портит. Сроку вам тридцать дней, день в день. Через тридцать дней мне невеста и бумага без дыр. Или золото на стол. А нет, так Ивовый Лог мой. Только Лога на всё не хватит, я приценивался, так что остаток в башне досидите.

Тридцать дней. У нас это срок на апелляцию, и я за такой срок, бывало, разворачивала дела похуже. Правда, там я знала законы. И меня в конце не ждал рассвет с барабанами…

— Принято, — сказала я. — Мэтр, запишите срок и дайте мне прочесть.

— Чего писать, слово дадено.

— Ваше слово, граф, я под сомнение не ставлю. Я мэтру не верю.

Пелль пискнул. Хольт поглядел на меня, на него, и вдруг заухал, затрясся вместе с цепью. Оказывается, он так смеялся.

— Вот это по-нашему! Пиши, Пелль. И песочком посыпь, не зря же вёз.

Пелль писал, высунув кончик языка. Я ждала и думала, что с этой минуты тысяча двести золотых висят лично на мне, девочкой их уже не закроешь.

Сперва я решила, что это гром. Но гром рассыпался на копыта, заскрипели колёса, и внизу заорали: «Ворота! Ворота шире!»

Ноэль метнулся к окну и прилип к стеклу.

— Изи. Там знамя.

— Чьё?

— Его.

Я подошла. Внизу в ворота втягивался обоз. Верховые ехали по двое, в серых плащах, за ними качались крытые фургоны. Шестой, седьмой, восьмой… На парусине у каждого чернело крыло, такое же, как на сургуче в шапке договора. Впереди на рослом гнедом ехал человек без шапки, с седыми висками. В седле он сидел чуть боком, левую руку держал у пояса. Рукой он никому не махал, двор и так разбегался перед ним сам.

На крыльце уже стояла сухая женщина в чёрном, руки сложены на животе. Похоже было, что стоит она так с утра и знает, кого ждёт.

— Он же до весны в лагере. — Ноэль говорил стеклу. — Он не писал! Изи, ты сама говорила, что до весны…

— Генерал? — Хольт поднялся, стул облегчённо скрипнул. — Он самый. Штаб, что ли, на зиму домой везёт? Ну, миледи, это дела семейные. Мне с генералом делить нечего, покуда бумага не подписана. Пелль, собирайся.

— А расписка о сроке, ваше сиятельство?

— Леди отдай. Пускай читает, она любит.

Расписка была в три строки, срок «по тридцатое Листопада включительно». Я прочла их, перевернула лист, убедилась, что оборот чистый, и убрала бумагу за манжету.

— Меня тут не было, — быстро сказал Ноэль. — Изи, слышишь? Я с утра в Вельске, у меня там дела. Чёрной лестницей уйду.

И ушёл, за портьерой нашлась дверка.

— Должок мой побежал, — сказал Хольт портьере и распахнул парадную дверь.

За дверью стояла девочка.

Светлая коса, веснушки, домашнее платье с чернильным пятном на рукаве. Кулаки сжаты.

— Тридцать дней, — сказала она. — Я всё слышала. Вы выторговали у него тридцать дней!

— Лиана…

— «Невеста и бумага без дыр». Вы велели бумагу переписать, чтобы уж наверняка! Вы торговались. Как за Ласку!

Возразить было нечего. Слова она пересказала точно, а поняла всё наоборот.

— Барышня, — крякнул Хольт, — вы бы погодили…

— А вам шестьдесят один год! «Старик с невестой молодой — что иней на цветущей сливе!»

— Это она стихами, ваше сиятельство, — подсказал из-за его локтя Пелль.

— Слышу, что не прозой.

— Отец приехал, — сказала мне Лиана. Губы у неё прыгали. — Я ему всё расскажу. Всё!

Она развернулась, и каблуки застучали вниз по лестнице.

Я пошла следом, бежать не вышло. Про юбки меня никто не предупредил, а их на мне оказалось килограмма четыре, и под ними что-то ещё на шнурках.

Когда я добралась до крыльца, генерал уже спешился. Во дворе фыркали лошади, пахло конским потом и дёгтем. Лиана висела у отца на правом плече и говорила, говорила, до меня долетало «продала», «тридцать дней», «как Ласку». Он придерживал её одной рукой. Слушал он дочь, а глядел поверх её макушки на крыльцо.

На меня.

Так на меня в последний раз глядел прокурор в две тысячи восьмом, и материалов у того было поменьше.

Генерал что-то коротко сказал дочери и передал её подоспевшей старухе в чепце. Потом поднялся по ступеням. Шага он не сбавил и головы ко мне не повернул.

— Леди Дейр. В мой кабинет. Сейчас.

Глава 2. Сто дней

В кабинете горела одна свеча, хотя за окном ещё не стемнело. Генерал стоял у стола спиной к двери и на мои шаги не обернулся.

— Дверь.

Я закрыла. Сесть мне не предложили. В суде я бы на это указала, а здесь промолчала и встала поближе к столу, чтобы видеть бумаги.

Он повернулся. В книжке про него было «суровый отец» и что-то про седину. Про ожог от уха до ворота Анжелика Ланская не написала. Про левую руку, которую он держал прижатой к боку, тоже.

— Кобыла Ласка, — сказал он. — Продана барышнику в Тёсов Брод, за сорок золотых. Без моего ведома. Лошадь принадлежала дочери.

— Я…

— Не закончил. Третьего дня, в большой зале, при слугах. Вы ударили Лиану по лицу.

Говорил он ровно, под запись, и глядел мне куда-то в переносицу.

— Сегодня. Брачный договор с Хольтом. Гонец госпожи Кранц перехватил меня на тракте.

— Договор не подписан.

— Знаю. Иначе вы сидели бы под замком.

Вот тебе и на! Обвинительное заключение на три эпизода, а я по двум даже дела не открывала. Ни лошади, ни пощёчины за мной лично не числилось. Только поди объясни это человеку, который при желании дышит огнём. Кто такая госпожа Кранц, я не знала, но писала она ему, похоже, не первый раз.

Он выдвинул ящик и положил на стол лист с красной печатью.

— Прошение об отречении. В Ночь Долгой Звезды подаём оба. Подпишете сейчас.

— Нет.

Он не удивился. Двумя пальцами снял пламя со свечи, без спешки, и в кабинете запахло палёным фитилём. Ну да, дракон, им можно.

— Объяснитесь.

— Охотно. Вы назвали три факта, милорд. Я ни одного не оспариваю.

— Дальше.

— Дальше у меня вопрос. Если моей вины вам довольно, зачем вам моя подпись? Виноватых ведь судят и без согласия. Значит, без согласия вам выйдет дороже. Насколько дороже, я пока не знаю, но мы же никуда не спешим?

Он молчал. Дымок от фитиля тянулся к окну.

— Довольно, — сказал он наконец. — Чего вы хотите?

— В порядке досудебного урегулирования? Для начала сесть. Колени у меня не казённые.

Он показал на стул подбородком, как ординарцу. Стул был жёсткий, с прямой спинкой, для посетителей, которых не задерживают.

— Слушаю.

— Сперва по процедуре. Без моей подписи что будет?

— Суд чести.

— Долго?

Посмотрел он так, словно я спросила, с какого конца у лошади голова. Леди Изольда, надо полагать, знала.

— Хочу услышать от вас, — сказала я.

— До года. Перед советом, публично.

— А Лиана?

Он переложил нож для бумаг с одного края стола на другой, и я поняла, что попала.

— Пока идёт суд, дочь не может венчаться. А имя её год будут трепать перед советом. Вы это знаете. На это вы и ставили.

Вот оно что. Год семейного белья на всю империю, а девочка сидит в невестах и ждёт, чем у папы с мачехой кончится. Ничего себе рычаг мне оставили.

— Тогда встречное предложение, — сказала я. — Пункт первый…

— Вы торгуетесь.

— Всю жизнь, милорд. Пункт первый. До Ночи Долгой Звезды сколько осталось?

— Сто дней.

Тридцать из них уже были заняты графом Хольтом, а на сто первый, если верить Анжелике Ланской, меня ждали рассвет и барабаны.

— Сегодня я не подписываю ничего. Сто дней живу в этом доме, как жила. Грамоту хозяйки вы не отзываете.

— Чтобы вы продали вторую лошадь?

— Чтобы я разобралась с тем, что уже продано. Пункт второй. Если за эти сто дней я обижу Лиану, рукой, словом или бумагой, я подписываю ваше прошение в тот же час. Без суда чести и без совета. Обидела или нет, решаете вы.

— Я?

— Вы. Судья из вас пристрастный, я понимаю. Согласна и на такого.

Он встал из-за стола и подошёл. В кабинете не топили, камин стоял чёрный, а от генерала шло тепло, ровное, как от батареи в январе. Я чуть не подвинулась ближе. Ноги-то у меня с крыльца так и не согрелись.

— А если не обидите?

— Тогда в Ночь мы с вами сядем и поговорим ещё раз.

— В Ночь вы подпишете.

— В Ночь я прочту, что подписываю.

— Вы недели не продержитесь.

— Так вы ничего и не теряете.

Молчал он долго. Потом сказал:

— Мои условия. Расходы — через госпожу Кранц, по её книге. Каждую бумагу, что подпишете по грамоте, — копию мне на стол.

Вот так просто. Минуту назад этот человек поминал мне замок, а теперь оставлял грамоту и почти не торговался. Когда сторона соглашается легко, у неё свой интерес, это я за двадцать лет выучила. И в протокол его не пишут.

— И штабная башня. Вы туда не входите. Ни вы, ни ваш брат, ни ваши гости. С ключом или без.

— А что там?

— Вас не касается.

— Меня касается всё, куда не пускают. Это профессиональное.

— Какое?

Ёлки зелёные.

— Женское, — сказала я.

Секунды три он ещё глядел на меня, и уже не в переносицу.

— Запишем? — спросила я.

— Моего слова вам мало?

— Вашего хватит. Вы моему не верите, вот и пишите. Будет у вас против меня бумага.

Он вернулся к столу и потянул из-под папки чистый лист. Под листом открылся другой, исписанный столбиком, с цифрами и датами. Сверху я успела разобрать «храм Пары, лекар-

ская…», и на столбик легла его ладонь. Рядом с чернильницей стоял портрет в полладони, светловолосая женщина с Лианиными веснушками.

Интересно. Будь это простой лекарский счёт, ладонью бы его не накрыли. Но меня он не касался, и я сделала вид, что гляжу в окно.

Писал он правой, левой прижимал лист. Вышло четыре строки, крупно, без единого завитка. Я прочла и перевернула.

— Там пусто.

— Вижу. Привычка.

Он обмакнул перо и протянул мне. И вот тут я поняла, что влипла. Как расписывается Изольда Дейр, я видела один раз в жизни, час назад, на обороте чужого договора!

— Утром, — сказала я.

— Что утром?

— Подпишу утром. Я по вечерам бумаг не подписываю.

— С каких пор?

— С сегодняшнего дня. Как видите, начала исправляться.

Он медленно положил перо. Четыре строки убрал в ящик, к прошению, и ящик запер.

— Утром. До развода караула. Опоздаете — сделки нет. Ужин по колоколу, быть в зале.

— Это приглашение?

— Это приказ.

* * *

За ужином нас разделяло шагов десять скатерти. Генерал сидел во главе стола, я в торце напротив. Примерно так рассаживают стороны в бракоразводном процессе, чтобы не дотянулись.

По правую руку от него устроилась Лиана с красными глазами. Рядом жевала старуха в чепце, та самая, со двора, её звали Доротой. Дальше шли четверо в серых мундирах. Один, рыжий и молодой, при моём появлении вскочил так, что уронил салфетку.

— Миледи. Капитан Ольсен, адъютант его превосходительства. Мы с вами… на прошлой зимовке…

— Помню, — соврала я. — Садитесь, капитан, остынет. Вы к нам надолго?

— Так точно, миледи… то есть никак нет… то есть до весны!

Суп разливала та сухая женщина в чёрном. На поясе у неё висела книжка в потёртой коже. Та самая госпожа Кранц, надо думать. Через неё мне теперь тратить деньги, и она же шлёт генералу гонцов. Надо мной она подержала кувшин с вином.

— Воды, пожалуйста, — сказала я.

Кувшин повисел ещё.

— Как изволите, миледи.

Суп был грибной и горячий, и первые пять минут я честно думала только о нём. Не ела я, если считать по-моему, с обеда в буфете районного суда. Если считать по-здешнему, вообще никогда.

— Договора не будет, — сказал генерал дочери. — Моё слово.

Сказал негромко, но ложки по всему столу пошли тише.

— Конечно, не будет. — Лиана даже не повернула головы в мою сторону. — Она же отложила. На тридцать дней. Граф сам сказал, я слышала.

— Лиана.

— Что «Лиана»? В балладе как сказано? «Купленной жене чужого не жаль — ни сада, ни дома, ни дочки…»

— Довольно.

— Вам её купили, отец! Император заплатил перевалом, это все знают. Даже на кухне!

Рыжий капитан пристально изучал суп. Дорота дула на ложку.

Купленная. Ну, формально-то она права, брак по указу, встречное предоставление в виде перевала. А что обидно, так обиду к делу не подошьёшь.

И ведь можно было смолчать. В моём пункте втором стояло «не обижать», про старые долги там не говорилось ни слова. Только я этих девочек знаю. Ей семнадцать, её ударили при людях, и с тех пор все в доме делают вид, что ничего не случилось. У таких потом по двадцать лет не заживает. А клиентке, которая признаёт вину при свидетелях накануне суда, я бы сама голову оторвала.

Я положила ложку.

— Лиана.

— Я с вами не разговариваю!

— И не нужно. Послушайте, отвечать необязательно. Третьего дня в этой зале я вас ударила. При слугах. При слугах и говорю, что я была неправа. Простите меня.

Стало слышно, как в камине стрельнуло полено.

Ольсен не донёс ложку до рта. Парень с хлебной корзиной застыл посреди залы. Госпожа Кранц у буфета впервые за вечер глядела мне прямо в лицо, а до того всё куда-то за плечо.

Лиана открыла рот, закрыла, пошла пятнами.

— Вы… это вы нарочно. При отце! Чтобы он подумал…

— Лиана, — сказал генерал.

— Вы мне не мать!

— Не мать, — согласилась я. — Хоть в чём-то мы с вами сошлись.

Она вскочила, стул грохнул, и каблуки простучали к дверям. Дорота отложила ложку и поднялась следом, кряхтя.

— Чего она сказала-то? — спросила старуха на всю залу. — Прощения? Ну, стало быть, к снегу.

Останавливать дочь генерал не стал. Он смотрел на меня через все десять шагов скатерти, и смотрел дольше, чем нужно, чтобы убедиться, что жена на месте. Я взяла ложку и стала доедать суп, за просмотр в конце концов денег не берут.

— Капитан, — сказал он, не отводя взгляда. — После ужина посты у штабной башни. Двойные.

Вот и поговорили.

* * *

Спальня леди Изольды оказалась размером с мою квартиру. Я заперла дверь, вытащила из волос одиннадцать шпилек, сосчитала, и только потом подошла к зеркалу. Расписку Хольта перед тем вынула из-за манжеты и сунула под подушку. Замок секретера был весь в царапинах, туда, похоже, лазил кто хотел.

Из зеркала смотрела прокурорша из сериала. Скулы, брови, тёмная коса до пояса и такой рот, каким удобно говорить «в иске отказать». Тридцать восемь лет, на восемь меньше моего. Могла бы и порадоваться, только попробуй с таким лицом докажи кому-нибудь, что ты хорошая.

Ладно. Утром мне этим лицом ещё бумагу подписывать. А чем подписывать-то?

Секретер был набит счетами. Портниха, девять золотых за одно платье. Ювелир, виноторговец. Какие-то расписки с пометкой «зв. круг», по двадцать, по тридцать золотых, их я отложила подальше. Подпись стояла везде. «Изольда Дейр», заглавная «И» с петлёй, у «Д» хвост уходил вниз и возвращался росчерком под всю фамилию. Писала эта женщина с размахом, как и жила, судя по счетам.

Я взяла перо и попробовала. Вышла Брагина Е. В., мелко, с наклоном влево, хоть сейчас под исковым ставь.

Двадцать лет я объясняла людям, что подделка подписи — это статья. А теперь сидела ночью и подделывала подпись сама у себя, и как квалифицировать такое деяние, сказать затруднялась.

На десятой попытке вспомнилась Катя. В пятом классе она вот так же корпела над дневником. Там была двойка по математике и графа «подпись родителей», а в графе моя фамилия, выведенная с таким нажимом, что продавило три страницы. Вадиму я не сказала. Показала ей, в какую сторону у меня петля на «Б», и мы договорились, что двойку она исправит, а я ничего не видела.

Девять лет я расписывалась в её дневниках. Потом Вадим ушёл, и новая его жена растолковала девочке, кто я такая в этой сказке. Я тогда написала Кате письмо. На четыре страницы, по пунктам, с датами. Кто водил к зубному, кто сидел с ветрянкой, кто ездил на все её соревнования… По пунктам выходило, что я кругом права.

Она не ответила.

Не о том думаю. Петля, хвост, росчерк.

К тридцатой попытке хвост у «Д» перестал дрожать. Свеча оплыла на треть, и пальцы я измазала по самые кольца. В дверь поскреблись ногтем, по-кошачьи.

— Изи. — Шёпот шёл из замочной скважины. — Изи, не притворяйся, у тебя свет. Открой.

Я накрыла листы счётом от портнихи.

— Чего тебе?

— Изи, где ключ от башни? Ты обещала.

Глава 3. Как изволите

Ничего я ему не обещала. Обещала, надо понимать, леди Изольда, а с неё теперь взятки гладки.

— Какой ключ, Ноэль? Ночь на дворе.

— Изи, не начинай. От башни. Новый, который после весны. — Скважина засопела. — Он у тебя на связке, я же знаю.

Связка висела на спинке кресла, вместе с поясом. Ключей на кольце было штук сорок, длинные, короткие, один толщиной с палец. И хоть бы на одном бирка или зарубка! Который тут от башни, я не знала, а выяснять это при брате, да ещё через замочную скважину, уж точно не собиралась.

— Не дам.

— Как это «не дам»?

— Устно. Могу письменно, под дверь просуну.

За дверью помолчали, и ручка осторожно пошла вниз и упёрлась, замок я заперла ещё до шпилек.

— Изи, ну ты что! Мне на одну ночь, утром повешу обратно, ты и не заметишь. Он двойные посты поставил, видела? Мне теперь и с ключом-то… — Ноэль осёкся и заныл тоном выше. — Изи, я ведь не для себя прошу. Они ждать не будут!

— Кто «они»?

Тихо. По ту сторону скрипнула половица.

— Никто. Спи. Ты сегодня какая-то… Тебе правда надо выспаться.

Шаги ушли по коридору, мягкие, без каблуков. Сапоги он, выходит, снял заранее, человек готовился.

Я посидела, глядя на связку. У моего братца на один из этих ключей имелся заказчик, которому некогда. А связка-то числилась за мной.

Потом я сняла с листов счёт от портнихи и обмакнула перо. Петля, хвост, росчерк.

* * *

Утром меня зашнуровали.

Занималась этим горничная Агнета, крепкая девица с красными руками, которая упёрла мне колено в поясницу и тянула шнурки, как подпругу на норовистой кобыле. Двадцать лет я проходила в брючных костюмах и понятия не имела, что вдох можно отмерять шнурком. Поверх юбок Агнета застегнула пояс со связкой, и ключи повисли на бедре гирей.

— Без них миледи не выходит, — сказала она и покосилась на мои пальцы.

Пальцы были в чернилах по вторую фалангу. Я спрятала их в складки и пошла сдаваться.

Караул ещё не разводили, во дворе только строились. Генерал стоял у стола, одетый и застёгнутый, будто и не ложился. Посреди сукна лежал лист в четыре строки. Рядом с ним, подписью вверх, пристроился счёт от виноторговца. Вчера его тут не было.

Понятно. Образец для сличения, а экспертом у нас заинтересованная сторона.

— Вы пришли, — сказал он.

— Вы сомневались?

— Да.

Перо он подал сам. Я перечла четыре строки:

«Сто дней, по Ночь Долгой Звезды. Грамота при ней, расход через Кранц, копии мне. Обидит Лиану — подписывает прошение в тот же час, обиду решаю я. В штабную башню ни ей, ни Гарту, ни гостям».

Писал не юрист, зато и придраться было не к чему. За ночь в них ничего не выросло, и я расписалась. Петля у «И», хвост у «Д» вниз и обратно, росчерк под всю фамилию. Рука не дрогнула, зато спина под шнуровкой взмокла вся разом.

Он повернул лист к себе и глядел на подпись, потом на счёт, потом снова на подпись, а во дворе за это время успели прокричать команду, за ней вторую и протопать к воротам.

— Чернила, — сказал он.

— Что чернила?

— У вас руки в чернилах.

— Писала.

— Ночью?

— Днём у меня, как выяснилось, приёмные часы.

Он присыпал подпись песком, убрал лист в ящик, и счёт от виноторговца ушёл туда же. Ключ повернулся дважды.

— Свободны.

Ну вот и всё, прошла! За дверью я выдохнула, насколько позволил шнурок.

* * *

Госпожу Кранц я нашла в кладовой, она считала свечи. Ради меня счёт не прервала. Дошла до конца ящика, записала итог в книжку на поясе и тогда обернулась.

— Миледи?

— Мне нужны книги дома. Приход, расход, жалованье, закупки. За два года.

— Книги веду я.

— Знаю. Потому к вам и пришла.

— Его превосходительство вчера распорядился. Расходы миледи идут через меня. — Она сложила руки на животе. — Книги миледи ни к чему. Миледи скажет, что ей угодно, я запишу.

Прелесть какая. Эту бы женщину к нам в канцелярию суда, на выдачу копий. У нас бы там с девяносто восьмого года никто ничего не получил!

Я вынула из рукава грамоту. Ночью она нашлась в секретере, на самом дне, под счетами, с чёрным крылом на сургуче. Судя по сгибам, леди Изольда развернула её однажды, убедилась, что имя вписано её, и больше не утруждалась.

— Госпожа Кранц, вы же грамотная, я тоже. Читаю как написано. «Леди Изольде Дейр вверяю. Первое, вести дом и хозяйство крепости. Второе, ведать расходом и для того требовать счёт, книги и отчёт у всякого, кто в доме служит». У всякого. Вы в доме служите?

— Девятнадцатый год.

— Стало быть, это про вас. «Третье, представлять дочь мою Лиану до её восемнадцати лет…» Это пропустим, это не к свечам. «Кроме продажи земли и копей». Тоже не к ним. Теперь приказ генерала. Расходы идут через вас, я и не спорю. Я ведь тратить не прошу, я прошу читать. Слово «читать» он вчера запрещал?

Она молчала. За её плечом стоял ящик со свечами, пересчитанный до последнего огарка.

— Не запрещал, — сказала госпожа Кранц.

— Тогда действует грамота.

— Как изволите, миледи.

«Как изволите» у неё звучало как «чтоб вам пусто было», только вежливее. Но через четверть часа парень с кухни приволок ко мне три тома в холстине, каждый весом с кодекс с комментариями. Экономка вошла следом. Четвёртую книгу, ту, что на поясе, она не отстегнула.

— А эта?

— Эта домовая. Кто приехал, кто уехал, когда гасили свет. Не счёт и не расход, миледи. В вашей грамоте её нет.

Я проверила по тексту. Не было.

— Ваша правда. Тогда расписку.

— Какую расписку?

— Что я приняла у вас три книги и обязуюсь вернуть в целости. А то пропадёт лист, и на кого подумают?

Писала я печатными буквами, как в анкете, почерком леди Изольды я владела пока на одну фамилию. Зато подмахнула с росчерком. Вторую такую же отправила генералу, уговор есть уговор. Пусть знает, что первой бумагой по грамоте его жена оформила приём бухгалтерии.

Госпожа Кранц прочла расписку два раза. Потом перевернула, оглядела оборот и убрала лист в домовую книгу.

Над томами я просидела до ночи. Через час я уже знала, почём тут жизнь. Мешок овса — восемь серебряных. Воз дров — золотой, он же двадцать серебром. Конюх получает три золотых в год и сапоги, Агнета — два и платье к Долгой Звезде. Тысяча двести золотых, выходит, это тысяча двести возов. Крепость можно топить лет сорок.

Писала госпожа Кранц ровно, без помарок, овёс к овсу. А между овсом и дровами раз в две-три недели стояло «выдано леди Дейр на руки», и больше ничего. Я выписала эти строчки столбиком и сложила. Сорок одна выдача за два года. Шестьсот восемнадцать золотых.

Шестьсот восемнадцать возов дров!

Сорока золотых за Ласку в приходе не было вовсе. Где они, гадать не приходилось. Расписки с пометкой «зв. круг» лежали у меня в секретере, и суммы на них были как раз такие, круглые и частые.

Ближе к полуночи в дверь стукнули один раз, и вошёл генерал. В руке он держал вторую расписку, ту, что я отправила ему.

— Печатными буквами.

— Так разборчивей. В копиях главное — разборчивость.

Он положил листок на край стола и глянул на мой столбик. Прикрывать я не стала, пусть смотрит.

— Что это?

— Выдачи леди Дейр на руки. За два года. Шестьсот восемнадцать золотых.

Он прочёл столбик снизу вверх, потом сверху вниз.

— Вы считаете собственные траты.

— Кто-то же должен.

— Зачем?

Затем, что через двадцать восемь дней граф Хольт придёт за тысячей двумястами, а платить по этому столбику мне, хоть писала его не я.

— Хочу знать, сколько я должна, — сказала я. — Дому. Вам. Лиане за кобылу.

Он молчал долго. Свеча между нами потрескивала, гасить её он не стал.

— Сорок золотых, — сказал он наконец. — Кобыла стоила восемьдесят.

И вышел. Расписку унёс с собой.

* * *

На третий день приехал поэт.

Что он приедет, я знала от Анжелики Ланской, у неё третья глава так и называется, «Поэт у ворот». Не знала я другого, что докладывать о нём станут мне.

— Лорд Эдриан Сорель к миледи и барышне, — сказал вчерашний парень с книгами.

Ну и пошла я вниз, глядеть на человека, которому в последней главе отходит квартира.

В гостиной уже сидела Лиана, прямая, как на экзамене, и рядом Дорота с вязаньем. Генерал стоял у камина, его-то, значит, известили раньше меня.

Лорду Сорелю было лет двадцать шесть, и он был хорош, тут Ланская не соврала. Кудри, ресницы, камзол цвета топлёных сливок, белые перчатки. Лавандой от него тянуло шага на три. Генералу он поклонился ровно настолько, насколько штатскому положено кланяться боевому командиру, потом поклонился мне, потом Лиане, и ей на полвздоха дольше.

— Ваше превосходительство, вся губерния вздохнула свободнее, когда над Высоким Дейром подняли ваше знамя. Миледи. Леди Лиана… я осмелился. Здесь двенадцать строк, и ни одна вас не стоит.

Он подал ей листок, перевязанный лентой. Лиана взяла двумя руками, уши у неё стали малиновые.

— «Когда над Тёсой гаснет день…» — прочла она шёпотом. Дальше читала про себя и шевелила губами.

Следом появился футляр. Его держал камердинер, длинный малый в сером, с оттопыренными ушами. Хозяин звал его Тилем и в его сторону не глядел. Правую перчатку Сорель стянул не спеша, палец за пальцем, и браслет достал уже голой рукой.

— Безделица. Если ваш отец позволит.

Генерал поглядел на браслет, потом на дочь. Дочь не дышала.

— Позволяю. Визиты в этой гостиной. При мне или при леди Дейр.

— Об ином я бы и просить не посмел, ваше превосходительство.

При леди Дейр, надо же. Хорош надзор: мачеха стережёт падчерицу, генерал стережёт мачеху. Обижу Лиану при свидетелях — и прошение подписано.

Я подошла ближе, вроде как полюбоваться. Двадцать лет я делю чужое добро и описи со слов владельца не верю давно. В иске колье за триста тысяч, у оценщика стекло и латунь. Камни в браслете сидели густо и блестели дружно, все одинаково. Держались они не в лапках, а на клею, у крайнего из-под ободка вылезла жёлтая капелька.

Я глянула вниз. Сапоги у лорда сияли, а голенища были пришиты к новым головкам. Шов шёл по подъёму, тонкий, дорогой работы, и кожа выше шва была зимы на две старше той, что ниже.

Бедность, конечно, не состав преступления, стразы на клею я и сама носила. Только в деле у меня пока были капля клея, сапожный шов и роман из электрички. С таким к судье не ходят…

— Изи!

В гостиную влетел Ноэль, румяный с дороги, в свежих кружевах. О позапрошлой ночи на лице у него не значилось ничего.

— Изи, сестрёнка, ты ведь не сердишься? Скажи, что не сердишься! — Он сгрёб меня в охапку, связка на поясе звякнула, шнуровка впилась под рёбра. — Я дурак, я знаю. Ваше превосходительство, моё почтение. Лорд Сорель, какая честь! А обедать будут? Я от самого Вельска не ел.

Генерал глядел на руки Ноэля у меня на плечах, потом перевёл глаза на меня.

— Гарт, — сказал он вместо приветствия. — Обед по колоколу.

* * *

За столом лорд Сорель был безупречен, и утомляло это не хуже адвоката, который за три часа ни разу не оговорился. Он знал, какой вилкой берут рыбу, Дороту спросил про колени, а капитана Ольсена про ветра над Седловиной, и оба расцвели. Воду Лиане он подливал сам, лакея не ждал.

Я помалкивала и сверялась со списком. Список я составила накануне со слов Агнеты, восемнадцать имён, кто при чём. На фамилии память у меня как картотека. Да только фамилий-то здешней прислуге не полагалось, одни имена, и все на один лад.

Парень с хлебной корзиной дошёл до меня.

— Спасибо, Матиас.

Корзина дрогнула. Парень покраснел до ворота и промолчал.

— Клаус, — сказал генерал с того конца стола. Негромко, но Ноэль перестал жевать. — Вчера он носил вам книги. Матиас у вас истопник. Седой, без двух пальцев.

— Клаус. Простите, Клаус.

— В доме он третий год. — Генерал положил нож. — Давно это у вас?

Больше он ничего не спросил, а тон был лекарский.

— С мигрени, — сказала я. — Имена вылетают. Лица помню.

— С мигрени.

— У Изи бывает! — подхватил Ноэль с полным ртом. — Она в детстве после мигрени кошку звала именем гувернантки. Гувернантка обижалась!

Лиана фыркнула в салфетку, спохватилась и сделала каменное лицо.

— А прежде-то она их вовсе никак не звала, — сообщила Дорота своей тарелке. — «Эй» да «поди сюда». Вот и не путала.

Генерал взял нож и до конца обеда уже ни о чём не спрашивал, только следил, как я беру хлеб, как держу бокал и что отвечаю Дороте, когда та просит соль. К десерту левая щека у меня горела, хоть ложку прикладывай.

Провожать гостя полагалось хозяйке. В галерее у лестницы мы на минуту остались вдвоём. Лиана побежала наверх за ответными стихами, Тиль ушёл за плащом.

Сорель взял мою руку. Перчатку он снова снял, пальцы оказались сухие и прохладные. Он склонился, как для поцелуя, но губами до кожи не достал.

— Вы обещали, Изольда. — Голос был тот же, что над стихами. — Не забудьте.

Второй за три дня. Знать бы ещё, что она им всем наобещала.

На лестнице уже стучали Лианины каблуки.

Глава 4. Долг чести

Сон у леди Изольды оказался не лучше моего. На четвёртое утро глаза открылись затемно, и хоть убей.

Агнета ещё спала, кувшин стоял пустой, а руки у меня были чёрные по самые запястья. Два вечера я писала жалобу. По книгам госпожи Кранц, по распискам из секретера, с цифрами и датами, как привыкла.

Свода законов в крепости не нашлось. В библиотеке стояли «Наставление о конском ремонте», три тома проповедей и «Уложение о податях» позапрошлого царствования, и про игорный долг там не было ни слова. Нет закона — значит, общие начала, рассудила я. А общие начала везде одни: кабалу не любит ни один суд. Двадцать лет это работало.

Я накинула шаль и пошла искать, где в этой крепости греют воду.

Нашла, да не то.

Галерея второго этажа выходила на задний двор, за конюшни. Я толкнула дверь, и в лицо дохнуло, как из духовки. Перила были мокрые, иней на них таял прямо под рукой. С крыши конюшни капало, хотя лужи у крыльца стояли подо льдом.

Во дворе был дракон.

Он был тёмный, цвета печной заслонки, и хребтом приходился вровень с коньком крыши. От боков шёл жар, булыжник под ним высох добела, и пахло раскалённым камнем, как в бане, когда плеснут на голыши. У дальней стены торчал Ольсен с плащом через руку и глядел себе под ноги.

Правое крыло раскрылось разом, с хлопком, на полдвора, и сквозь перепонку стало видно рассветное небо.

Левое пошло следом и на полпути встало.

Оно дрожало. Перепонку стягивали рубцы, белые, в палец шириной, вкривь и вкось. Шили её явно в поле, второпях. Крыло дотянулось до половины, затряслось сильнее и упало. Дракон выдохнул так, что с крыши посыпалась капель, и поднял крыло снова.

Мой отец после инсульта так учился держать ложку. По утрам, на кухне, пока мы спали. Мама однажды вошла, и ложка полетела в раковину. Мне было девятнадцать, я стояла в коридоре и не знала, куда девать глаза.

Тут я тоже не знала. Уйти было бы умнее всего, только ноги не шли, и уже не от страха, страх кончился где-то на втором подъёме. На третьем я вцепилась в мокрые перила, а на четвёртом крыло поднялось на ладонь выше, и я сказала «ну же», причём, кажется, вслух…

Голова повернулась. Глаз был жёлтый, с блюдце, и смотрел он на галерею.

Жаром ударило так, что я зажмурилась. А когда проморгалась, на булыжнике стоял человек, и Ольсен набрасывал ему на плечи плащ. С шеи на левое плечо сползал ожог, а ниже, по лопатке, уходили те же белые швы, что на перепонке. Дышал генерал тяжело, от мокрых волос валил пар.

— Это не представление.

— Я билета и не брала.

Глупо вышло, хоть сквозь перила проваливайся! Он запахнул плащ одной правой.

— Что вам нужно во дворе в этот час?

— Горячая вода. — Я показала руки. — Я же не знала, что её тут… так греют.

Ольсен закашлялся в кулак. Генерал поглядел на мои пальцы.

— Опять чернила.

— Жалоба. Судье в Вельск, по долгу брата. Подаю от себя, как поручительница, не по грамоте. Копия вам не причитается, я проверила.

— Когда едете?

— Завтра с утра.

— С вами едет капитан Ольсен.

— Это конвой?

— Охрана.

— А разница-то в чём?

Он не ответил. Дошёл до крыльца, босой по ледяному булыжнику, и там остановился.

— Капитан передаст вам письмо. Судье Гловеру, на Сенную, в руки. Он в отставке. Мы играем в шахматы.

И ушёл в дом. Ольсен, красный до ушей, отдал мне честь и кинулся следом.

На перилах остались два тёмных пятна от моих ладоней, вокруг них уже снова белело, а про воду я так и не спросила.

* * *

Пошлину мне выдала госпожа Кранц, шесть серебряных под запись.

— На что, миледи?

— На суд.

Так и записала, «на суд», и перо у неё при этом даже не споткнулось.

До Вельска было полдня в возке. К полудню я знала про тело леди Изольды всё, чего знать не хотела, начиная с того, где у него копчик, и кончая тем, что корсет на ухабах работает как тиски. Ольсен ехал верхом у окна и на каждый мой взгляд прикладывал два пальца к шляпе.

Суд в Вельске заседал по торговым дням, в ратуше над хлебными рядами, и пахло в нём калачами. Судья Мертен, сонный, с сизым носом, принял мою жалобу, прочёл первый лист, пожевал губами и послал пристава через площадь, в шерстяной ряд. Через четверть часа в залу вошёл граф Хольт, при цепи и ничуть не удивлённый.

— Доброго здоровьица, миледи. А я всё гадал, на что вам тридцать дней. Думал, деньги искать станете.

Зала была лавок на двадцать, и половину заняли торговки с корзинами, два писаря и какой-то старик в заднем ряду, уложивший подбородок на палку. Суд здесь, похоже, держали вместо театра.

Я встала. Ну вот оно, моё! Впервые за пять дней под ногами была твёрдая земля.

— Ваша честь, долг в тысячу золотых дал рост в двести. Это пятая часть. Должник брал в крайности, проигравшись, и заимодавец о том знал. Сделка кабальная. Прошу рост снять, а поручительство по кабальному долгу…

— Какая сделка? — спросил судья.

— Кабальная. Заключённая на крайне невыгодных условиях вследствие стечения тяжёлых…

— Долг-то откуда?

— Звёздный круг, ваша честь, — сказал Хольт. — Карты. Вексель я купил за живые деньги, вот купчая. Рост в нём прописан до меня, я своего ни гроша не накинул.

Судья Мертен посмотрел на меня с жалостью.

— Миледи, игорный долг есть долг чести. Под какой рост сели, под такой и встали. Хоть десятина в день. Суд сюда не входит, за стол вашего брата никто не сажал.

— Но поручитель-то за стол не садился!

— Поручитель ручался. Вот бумага. Заверено мэтром Пеллем в Вельске, в день Святого Ориса, в личном присутствии. Рука ваша?

Он повернул лист ко мне. Петля, хвост, росчерк. Я три ночи училась так писать и подлинник от подделки не отличила бы сама.

— Моя, — сказала я. А что ещё тут скажешь?

— В жалобе отказано. — Печать стукнула. — И по статье о долге чести, граф… Вы знаете.

— Знаю, ваша честь. — Хольт вздохнул, и вроде бы без притворства. — Не хотел я этого, миледи, вот люди слышат. Кто долг чести оспорил и проиграл, тот, выходит, платить не думает. С такого заимодавец берёт обеспечение вперёд срока. Описать движимое. Кольца, серьги, что там по шкатулкам.

— Вы дали мне тридцать дней.

— И даю. Уговор дороже денег, двадцать пять у вас осталось, день в день. До срока ни колечка не продам, полежат под печатью пристава. А описать опишу. Вы бы на моём месте не описали?

Описала бы. Я бы ещё и на счета арест наложила.

— Пошлина с проигравшей стороны, шесть серебром, внесена, — сказал судья. — Приставу за опись два золотых, с неё же.

— Тысяча двести да два. — Хольт загнул палец. — Тысяча двести два. С суда, миледи, богатыми не уходят, я пробовал.

В заднем ряду хрюкнул старик с палкой.

Двадцать лет практики, и первое заседание в новом мире я слила за десять минут. С пошлиной! Копию жалобы я генералу не дала, очень уж гордилась, что подаю от себя. Дала бы, он, может, и сказал бы про долг чести. А может, и промолчал бы, с него станется.

* * *

Из ратуши я вышла на своих ногах, и на том спасибо. Ольсен ждал у возка.

— Миледи, письмо. Его превосходительство велел отдать после суда. Сенная, дом с синей дверью.

После суда, не до. Знал, чем кончится, и промолчал.

Синюю дверь открыл старик с палкой, тот самый.

— А, истица, — сказал он. — Заходите. Давно меня так не веселили, с того раза, как Мертен уснул на приговоре.

Ансельм Гловер, судья в отставке, хромал на правую ногу и палкой стучал так, будто пол ему задолжал. В комнате были книги до потолка, остывшая печка и доска с фигурами у окна. Он сломал печать, глянул в единственную строчку и хмыкнул.

— Ладья. Месяц думал! Дракон, а ходит как обозная лошадь. — Фигура переехала на три клетки. — Сядьте, не маячьте. Кто вас научил слову «кабальная»?

— Сама.

— Оно и видно. Красивое слово, у нас им грузчики ругаются. Вы зачем на долг полезли?

— Затем, что рост грабительский.

— Грабительский, — согласился он с удовольствием. — Это у нас любой поварёнок знает. А вы два года за генералом и не знаете?

— Я мало интересовалась.

— Что мало, знает весь Вельск. Оттого я и хрюкнул.

Ну спасибо. Я сложила руки на коленях, чтобы не видно было чернил.

— Хорошо. Долг не тронуть. А что тронуть можно?

— О! Вот это уже вопрос, за него и налить не жалко. — Наливать он, впрочем, не стал. — Долг чей? Братца. А ваше там что?

— Поручительство.

— Бумага. Долг есть честь, с честью суд не спорит. А с бумагой он разговаривает охотно. Как у нас ручаются?

— При нотариусе.

— При нотариусе и своими ногами. Поручитель входит, нотариус глядит ему в лицо, спрашивает, трезв ли и по своей ли воле. Письмом нельзя. Через брата нельзя. Я одно такое порвал, давно. Вдова ручалась за зятя, а сама в тот день лежала у сына в Аурене с переломом. Нотариус после этого год торговал свечами. Ну? Вы-то у Пелля в день Святого Ориса были?

Вопрос ценой в тысячу двести два золотых. И ведь я не могла на него ответить! Была ли леди Изольда у Пелля, знала одна леди Изольда.

— Не помню.

— Не помните. — Гловер уложил подбородок на палку, как в зале. — Ручались на тысячу двести и не помните где. Мигрень?

Уже и сюда доехало.

— Мигрень.

— Тогда вам не судья нужен, а лекарь. Или кто-нибудь, кто помнит за вас. В хороших домах такие водятся.

Я подумала про книжку на поясе госпожи Кранц, про «кто приехал, кто уехал», и про то, что в моей грамоте этой книжки нет.

Гловер между тем двинул на доске слона, полюбовался и нацарапал на обороте генеральского письма три слова.

— Отвезёте. И скажите ему… нет, ничего не говорите, сам увидит. — Он поднял на меня глаза, светлые и совсем не стариковские. — А иск у вас дурацкий. Но встали вы хорошо. Так встают, когда делали это раньше. Где это леди Дейр выучилась стоять перед судьёй?

— Я много читаю.

— С каких пор?

Да что они все, сговорились?

— С Листопада, — сказала я и взяла письмо.

Возок Ольсен подогнал к самой двери. Я уже поставила ногу на подножку, когда на той стороне площади, у дома с медной дощечкой, встал наёмный экипаж. Дощечку я разобрала без очков, спасибо леди Изольде. «Мэтр О. Пелль, нотариус».

Из экипажа вылез Ноэль, огляделся и одёрнул кружева.

Дверь конторы открыли изнутри, он и постучать не успел. Придержал её длинный малый в сером, уши торчком. Позавчера этот малый стоял в моей гостиной с футляром в руках.

Глава 5. Под печать

— «Шкатулка с убором дамским, числом три. Ценою, со слов заимодавца, двести золотых», — прочёл пристав Зиберт то, что успел написать, и потянулся за сургучом.

— Вычеркните, — сказала я.

Сургуч завис над свечой.

Опись устроили на седьмой день, в большой зале, и собрался на неё весь дом. Так уж тут заведено, чтобы никто потом не сказал, будто пристав унёс лишнее. У нас на это зовут двух понятых, а здесь вдоль стены выстроилась вся прислуга, восемнадцать человек. Дорота сидела на лавке с вязаньем, Лиана забралась на подоконник и болтала ногой. Генерал пришёл последним и встал у дверей, так что выйти из залы теперь можно было только мимо него.

Три шкатулки леди Изольды стояли на голом столе. Рядом лежали мои руки, пока ещё в кольцах.

— Чего вычеркнуть-то, миледи? — Граф Хольт приехал сам, приказчику такое дело не доверил. — Двести я с походом кладу. Оптом!

— Оптом, ваше сиятельство, вы шерсть берите. А здесь пойдём по пунктам. Каждую вещь вслух, отдельной строкой и с ценой.

— Это же до ночи…

— Я не тороплюсь. У меня двадцать три дня.

Что записано одной строкой, то ведь одной строкой потом и вынут. Я на описях двадцать лет просидела, по обе стороны стола, и «шкатулка, одна» на моей памяти худела раза четыре.

— А цену кто скажет? Вы, что ли?

— Ювелир. — Я выложила пачку счетов из секретера. — Вы называете своё, я читаю по счёту, пристав пишет середину.

— Счёт — это почём продали. А цена — почём купят!

— Не сойдёмся, так везём ювелира из Вельска.

— Ну пиши, Зиберт, — вздохнул граф. — Пункт первый. Что там сверху-то?

Сверху лежали серьги, гранат в золоте.

— Шесть.

— Четырнадцать по счёту.

— Девять!

— Десять. И пишите, что обе застёжки целы.

— «Десять… застёжки целы», — забормотал пристав.

На четвёртом пункте дошли до рук. Кольца я снимала сама, по одному, при всём доме. Вроде медкомиссии, где раздеваются за ширмой, только ширму забыли поставить.

— С жемчугом она надевала к наместнику, — сообщила Лиана с подоконника. — А с зелёным камнем — когда приезжал барышник.

— Пункт седьмой, кольцо с жемчугом, — сказала я. — Спасибо, Лиана, так быстрее.

— «Что нажито чужой слезой, уйдёт с чужого молотка!»

— Восемь золотых жемчуг, миледи, и не просите! — прогудел Хольт.

Сошлись на одиннадцати.

Последнее кольцо было гладкое, тяжёлое, красного золота. Пристав показал на него пером.

— И это.

— Это не пиши, — сказал Хольт. — Обручальное не описывают. Не нами заведено, не нам и ломать.

Я глянула на двери. Генерал смотрел на мою руку с кольцом, которое два года назад надевал совсем другой женщине.

Со шкатулками дело пошло медленнее. Броши, цепочки, гребень с бирюзой… За нитку жемчуга мы с графом бились, как две торговки за последнего карпа.

— Пункт девятнадцатый. — Зиберт выудил со дна что-то маленькое. — Печатка серебряная, резная.

Я взяла посмотреть. На щитке была вырезана ива над водой и две буквы, «И. Г.». Подпись леди Изольды я к этому дню выучила, а печать её держала в первый раз. Письма она, получается, запечатывала не крылом Дейров, а девичьей ивой Гартов.

— Серебра тут на золотой, — сказал Хольт. — С работой два.

— Пишите два, — сказала я. — И рисунок опишите, с буквами. Чтобы потом не оказалось, что их было две.

Зиберт описал. Печатка легла в шкатулку рядом с гребнем.

К сумеркам набралось двадцать шесть пунктов. Пристав дважды сложил столбик.

— Четыреста двенадцать золотых.

— Против моих двухсот. — Хольт крякнул. — Дорого мне ваша грамотность встаёт, миледи! Не уплатите, так мне это добро в зачёт брать, и уже по описи.

— По описи, — согласилась я. — А вы бы на моём месте не посчитали?

Он узнал свои слова и заухал.

Шкатулки убрали в ларец, ларец обвязали бечёвкой крест-накрест, и пристав залил узел сургучом. Хранить полагалось должнице, у себя и под свой ответ. Сломаю печать до срока, и башня мне выйдет уже без счёта дней. Я расписалась под описью, с петлёй и росчерком.

— Копию мне, — сказал от дверей генерал. За весь вечер это были его первые слова.

Хольт был уже в плаще, когда задержался у моего стула.

— А кобылу вы зря отдали, — сказал он вполголоса. — Сорок — не цена. Лутц её в Вельск сговаривает, к торговому дню. За девяносто.

— Когда торговый день?

— Послезавтра.

* * *

Конюшонка звали Йонас, было ему лет четырнадцать, и носом он шмыгал через слово.

— У Лутца стоит, в крайнем деннике. — Шмыг. — Пять недель уже. Двое приценялись, да как тавро увидали, крыло-то наше, так и ушли. Не ест она путём. Я ей морковь вожу, когда за овсом езжу.

— А когда ты за овсом?

— Завтра, миледи. Шесть мешков велено.

— Я с тобой.

— На телеге?!

На телеге. Возок пришлось бы просить, и просьба попала бы в книжку госпожи Кранц. Денег я у неё тоже не просила, сорок золотых на кобылу, которую миледи сама же и сбыла, в домовый расход не запишешь. А к генералу не пошла и подавно. Косяк-то был мой. То есть леди Изольды, но разницы между нами тут уже никто не видел.

Дождь зарядил с ночи. Тёсу мы переехали вброд, мерину по колено.

Барышник Лутц оказался мужиком с бородой клином. Один глаз у него смотрел на меня, другой на телегу, и оба не верили.

— Девяносто пять, — сказал он.

— Вы платили сорок.

— Платил сорок. Пять недель кормил. А в Вельске за неё дают девяносто, уж сговорено.

— В Вельске увидят тавро. Двое у вас уже увидели. Кто на торгу возьмёт кобылу с крылом Дейров, когда сам Дейр сидит в полудне езды?

— Генерал в лагере…

— Генерал вторую неделю дома. И считает, что кобыла стоила восемьдесят, а вы леди обсчитали ровно вдвое. Хотите, он приедет пересчитать сам?

— Чего же не приехал?

— Я успела раньше.

Глаз, который смотрел на телегу, перебрался на меня.

— Шестьдесят.

— Сорок, как брали. И за корм. Мешок овса у вас восемь серебряных, мы же у вас и берём. Пять недель, пять мешков, это два золотых. Итого сорок два.

— Ну и леди пошла! В тот раз вы и не глянули, сколько даю.

— В тот раз я плохо считала.

Оставалась мелочь. Сорока двух золотых у меня не было, не было и двух.

Кольцо сидело крепко. Я его крутила, тянула, палец побелел, и Лутц из деликатности отвернулся к мерину. Сошло с третьего раза. Клялась в этом кольце не я. Так ведь и Ласку продавала не я, а счёт почему-то несут мне…

На пальце осталась белая полоска, бледная, как кожа из-под гипса.

Лутц взвесил кольцо на аптекарских весах, куснул, разглядел резьбу внутри и присвистнул.

— Золота на тридцать. Работа столичная… Сорок пять возьму.

— Тогда с вас три золотых сдачи.

— Сдачи не держу!

— Недоуздок, попона и бумага. Пишу я, вы ставите крест, малый свидетелем.

Купчую я написала на девицу Лиану Дейр. Лутц поставил крест, Йонас высунул язык и вывел «Йонс». Кобылу привели под навес. Рыжая, с белым чулком на левой задней, рёбра наперечёт. Морковь в Йонасовом кармане она нашла сразу. Йонас утёрся рукавом и объяснил, что это дождь.

* * *

К броду мы вернулись за полдень, а брода не было.

То есть он был, только где-то под водой. Йонас сказал, что проскочим, если не стоять. Мы и не стояли, до самой середины. Там правое заднее колесо ухнуло в промоину, телега с шестью мешками овса села набок, и мерин встал.

Ласка шла сзади на привязи. Вода ударила ей под брюхо, она завизжала, рванула, и телегу повело.

— Режь повод! — заорал Йонас. — Миледи, режь, утянет же!

Резать было нечем. Да и с какой стати, я же за эту кобылу только что отдала последнее, что у меня не описали! Я съехала с мешков в реку. Воды оказалось по бедро, и такой холодной, что вдох встал поперёк горла, а юбки намокли разом и потянули вниз. До Ласкиной морды я добралась вдоль борта и ухватила недоуздок под самой губой. Кобыла мотала головой, меня мотало вместе с ней, Йонас лупил мерина и ревел.

Вот так и утонет леди Дейр, за девяносто три дня до собственной казни. Анжелика Ланская очень удивится.

— Ларец где?

Кричали с нашего берега. Там стоял рослый гнедой, и человек на нём был без шапки.

Мать честная. Он решил, что я сбежала. С драгоценностями из-под печати, на телеге с овсом.

— В спальне! — крикнула я. — Под кроватью! Печать цела! Милорд, а можно вы спросите на берегу?!

Он уже спешился, плащ и камзол полетели на седло. В реку он вошёл в одной рубахе, и вода вокруг него задымилась.

Сперва я решила, что это пар от дождя, а потом разглядела руки. Рукава на них лопнули по шву. От кистей к плечам шло тёмное, цвета печной заслонки, плотное, вроде черепицы, и капли на нём шипели. Плечи раздались вдвое. Лицо осталось человеческое, только глаза пожелтели.

Ласка перестала рваться. Прижала уши и застыла. Я тоже.

— Держите её. Не отпускать.

Он зашёл за телегу, присел и упёрся левым плечом в задок. Сквозь зубы у него вышел звук, какого у людей не бывает. Правой он взялся за ось. Телега с шестью мешками и с Йонасом поднялась из промоины, как пустая коробка, и пошла вперёд.

Генерал вышел последним. Чешуя сходила с рук пятнами, под ней проступала кожа, красная, как после парной. Левая рука висела. Он взял её правой за запястье, прижал к боку, и я отвернулась к кобыле. Насмотрелась уже, с галереи.

Меня колотило. Зубы стучали так, что я прикусила язык.

Он снял с седла плащ и надел на меня. Именно надел, одной рукой, запахнул у горла и придержал, пока я не взялась за края сама. Плащ был сухой с изнанки и тёплый. От самого генерала несло жаром на шаг вокруг, и дождь над его плечами превращался в пар. Я подвинулась в этот шаг, без всяких условий и пунктов, там ведь было тепло.

— Вы правда решили, что я сбегу? На телеге с овсом?

— Вы уехали за реку без конвоя. Никому не сказав. — Смотрел он не на меня, а на кобылу. — В тот день, когда мне доложили про башню.

Про какую башню, спросить я не успела.

— Это Ласка, — сказал он.

— Она самая. Купчая на Лиану. — Я полезла за ворот. Бумага раскисла, но крест и «Йонс» ещё читались. — Сорок пять золотых.

— У вас нет сорока пяти золотых.

— Не было.

Вот тут он и увидел руку, которой я держала плащ, и белую полоску на пальце.

Смотрел он на неё долго.

— Вы отдали барышнику кольцо.

— За кобылу, которая стоила восемьдесят. Вы ведь сами говорили. Я ещё и в выигрыше на тридцать пять.

Он не ответил. Подвёл гнедого, подставил мне под колено ладонь, горячую даже сквозь мокрую юбку, и поднял в седло, вроде мешка с овсом, только осторожней. Повод взял сам, а Ласку привязал к стремени.

— А вы-то как?

— Пешком.

С одной рукой в седло позади меня ему было не сесть, до этого я додумалась шагов через двадцать. До крепости было с полчаса в гору. Он шёл у стремени по грязи, в рваной рубахе, и вёл под уздцы коня, на котором ехала его жена в его плаще. Часовые у ворот забыли взять на караул.

Лиана выбежала во двор без платка. Ласка заржала, тонко, на всю крепость.

Девочка обхватила кобылу за шею и стояла так, пока не вымокла насквозь. Потом подняла голову.

— Это вы её выкупили, отец?

— Нет.

Больше он ничего не прибавил. Лиана поглядела на меня, на плащ, открыла рот, да так ничего и не сказала. Ласку она увела в конюшню сама.

* * *

Вечером я сидела у камина, ноги в тазу с горчицей, и нос у меня уже не дышал. Камин в спальне растопили без моей просьбы. Агнета сказала, что велено. Плащ сох на спинке кресла.

В дверь стукнули один раз.

Генерал был в свежей рубахе, левая рука на перевязи. Он оглядел таз, плащ и ларец под кроватью, с целым сургучом.

— Ваш брат был в штабной башне позавчера, — сказал он. — С вашим ключом.

Глава 6. Сорок и один

— С каким ключом?

Вышло гнусаво. С заложенным носом и с ногами в горчице трудно держать лицо.

— От башни. Замок новый, весенний. Не сломан, не вскрыт. Ключей к нему два.

Он вытянул из-за ворота шнурок. Ключ на шнурке висел белый, с двумя бородками.

— Мой при мне. Второй на вашей связке.

Связка висела там, где я бросила её вечером, на спинке кресла, под его плащом. Я потянулась за ней, и таз плеснул на ковёр.

— Милорд, я вам сейчас скажу вещь, которая вам не понравится. Я не знаю, который тут от башни.

— Не знаете.

— Их сорок штук, и все без бирок!

— Два года вы отпирали ими дом.

— С мигрени… — начала я и сама бросила. Ну сколько можно, в самом деле. — Не знаю, и всё. Зовите госпожу Кранц, у неё наверняка записано.

Он помолчал, я успела досчитать до пяти. Потом открыл дверь и сказал в коридор два слова.

Госпожа Кранц пришла одетая, в чепце, со свечой и с книгой у пояса. Спит она, надо думать, тоже в чёрном. На таз с горчицей она даже не взглянула.

— Ключи хозяйки, — сказал генерал.

Она отстегнула книгу и открыла сразу где надо.

— Выдан сорок один. Последний нынешней весной, башенный, взамен старого. По письму вашего превосходительства.

Я положила связку на покрывало. Госпожа Кранц перебирала ключи по кольцу, не глядя, и называла каждый. Погреб. Бельевая. Ледник. Винный. Чёрная лестница… Она их знала на ощупь, как я когда-то номера статей. Я считала за ней и на тридцать восьмом уже поняла, чем кончится.

— Сорок, — сказала госпожа Кранц. — Башенного нет.

— А с чего вы взяли, что это брат? — спросила я.

— Нижняя дверь. Пост её не видит. В первый вечер я натянул на ней нитку. — Он кивнул экономке. — Шестой день.

Она перевернула лист.

— «Шестой день Листопада. Господин Гарт прибыл после вечернего колокола, верхом. К миледи не поднимался. Отбыл до света».

К миледи не поднимался. Миледи в тот вечер отлёживалась после Вельска и ничего не слышала.

А ключ… Я закрыла глаза и увидела гостиную и румяного Ноэля в свежих кружевах. Изи, сестрёнка, ты ведь не сердишься?

— Третий день, — сказала я. — В гостиной, при вас. Он меня обнял, и связка звякнула. Я ещё подумала тогда про шнуровку.

— Я видел его руки. У вас на плечах.

— Одну вы видели. Где была вторая, не видел никто, я в том числе.

— Или вы отдали ключ сами.

— Могла. Только зачем бы он тогда в первую же ночь стоял под этой дверью и клянчил его через замочную скважину? Я не дала. Свидетелей нет, предупреждаю сразу.

— Почему молчали?

— А вы бы поверили?

Он не ответил, и это тоже был ответ.

— Он сказал, что «они» ждать не будут. Кто такие, не объяснил.

Я собрала ключи в горсть. Неделю я таскала это железо на бедре и ведь ни одного ключа не знала по имени.

— Заберите.

— Что?

— Всю связку. В грамоте про книги и счёт написано, а про ключи нет, я проверяла. Пока они висят у меня на поясе, всё, что в этом доме пропадёт, пропадёт с моего пояса. Мне такого не надо.

Он протянул руку. Его пальцы легли на железо поверх моих, горячие, а мои и после камина были как из той реки. Убрать ладонь сразу он не убрал. Я тоже замешкалась. Оба мы смотрели на эти руки, его тёмную и мою белую, с полоской от кольца. Госпожа Кранц смотрела туда же, и я никак не могла взять в толк, чего все ждут.

Ничего не случилось. Связка звякнула и ушла к нему.

— Запишу, — сказала госпожа Кранц, хотя ей никто не приказывал. — «Связка сдана хозяйкой. Сорок ключей».

— Замок в башне сменить до утра, — сказал генерал. — На обеих дверях. Оружейника поднять сейчас. Гарта в ворота пускать, как пускали. Куда пойдёт и с кем говорил, докладывать мне в тот же час.

— Вы его не возьмёте? — спросила я.

— Нет.

— Хотите посмотреть, кому он носит.

— Вы быстро соображаете, леди Дейр. Для женщины, которая не знает собственных ключей.

И вышел. А я осталась при тазе с остывшей горчицей и при комплименте, если только это был комплимент.

* * *

Наутро я проснулась с жаром и без голоса. Агнета поила меня липовым цветом и рассказывала, что его превосходительство вчера «вёл миледи под уздцы» и что Клаус по этому случаю проспорил кухарке два серебряных.

Весь день в крепости стучали. К полудню стук добрался и до моей двери. Оружейник крыла, хмурый дядька с напильником за ухом, вошёл, поклонился и опустился на колени перед секретером.

— Велено.

Старый замок, тот, что в царапинах, он выломал за минуту. Новый врезал за час. Ключ был маленький, белый, ещё в масле.

— Его превосходительство сказал второго не делать.

Причину я понимала. В секретере лежали бумаги по грамоте, а читать их до сих пор мог всякий, у кого есть шпилька, начиная с Ноэля. Генерал заботился о своём деле. И всё-таки это был первый ключ в доме, про который я точно знала, от чего он! Я повесила его на шею, на ленту. У кого подсмотрела, и так понятно.

* * *

На десятый день жар спал, и ко мне явилась Дорота. Села без спросу, достала вязанье.

— Барышня третий день в материном сундуке роется, — сообщила она спицам. — Серебряное ищет, к балу. А его там нету.

— Какое серебряное?

— Чего?

— Где оно, говорю?

— Вам-то, миледи, видней.

Мне и правда оказалось видней. Закладной билет лежал в секретере, между двух расписок «зв. круг». «Вельск, ссудная лавка вдовы Таубе у Мясных ворот. Платье бальное, парча серебряная, шитьё драконьим серебром. Ссуда двадцать пять золотых. Выкуп тридцать, по конец Листопада. После в продажу».

Ну, леди Изольда… Свои кольца она, значит, берегла, а платье покойницы снесла вдове Таубе. Я перевернула билет. На обороте карандашом было приписано «подол сыр.».

Госпожа Кранц считала наволочки.

— Расход по грамоте, — сказала я. — Третий пункт, барышня. Бал через четыре дня, ей нужно платье. Тридцать золотых на выкуп, вот билет.

Она прочла. Потом прочла ещё раз, и бумага у неё в пальцах мелко затряслась.

— Новое платье барышне встанет в девять.

— Новое за четыре дня не сошьют. Да и ищет она ведь не новое.

Госпожа Кранц отстегнула книгу и вывела «На бал барышни. Выкуп. Тридцать». Вслух она не сказала ничего.

Копию я написала печатными буквами, как у нас повелось, и отправила с Клаусом.

Генерал пришёл через четверть часа.

— Вы заложили платье Мариэль.

При мне он впервые назвал её по имени.

— Заложила. В середине лета, за двадцать пять. Выкуп тридцать. После тридцатого его продадут.

— На что ушли деньги?

— Судя по соседним распискам, на звёздный круг.

— «Судя по распискам». Вы говорите о себе, как писарь о покойнике.

— Как должница о долге. Оправдываться мне нечем, милорд, а платье ещё можно забрать.

Он стоял с моей копией в руке. Бумага под его пальцами пожелтела, потом потемнела с краю, и запахло палёным. Он заметил, разжал руку и положил лист на секретер.

— Сундук стоит в её комнате. Я не открывал его десять лет. — Сказал он это не мне, а листу. — Ольсен едет в Вельск на рассвете. Билет отдадите ему.

Ехал-то Ольсен, по-моему, вовсе не за платьем. Спрашивать я не стала, а сунула капитану ещё и письмо, судье Гловеру на Сенную. В письме было три вопроса, пронумерованных.

* * *

Платье привезли к ночи одиннадцатого дня, в холстине. Серебряная парча, узкий рукав до самых костяшек, по моде двадцатилетней давности. По подолу сырость съела шитьё на целую ладонь, тут уж вдова Таубе не соврала.

Госпожа Кранц разложила платье на столе в бельевой и долго ничего не делала. Потом взяла ножницы и стала пороть боковой шов.

Я вернулась через час с охапкой кружева. По счёту портнихи одно платье леди Изольды стоило девять золотых, и по низу у него шла кайма серебряной нитью, шириной в полторы ладони. Спорола я её у себя, маленькими ножницами. Без каймы синее платье на продажу потянет шесть, не девять. Три золотых я, считай, отдала в подол Мариэль, и жалко их не было.

— Закрыть, где съело, — сказала я. — И длины прибавит.

Экономка пощупала кайму.

— Это с синего… В нём миледи ездила к наместнику.

— С него.

Я ждала «как изволите». Она подвинула мне табурет.

— Держите край, миледи. Ровнее. Леди Мариэль была ниже барышни на два пальца, подол придётся отпускать.

Шили до второй свечи. Я смётывала, она шла следом начисто, мелко, стежок в стежок. Подшивать-то я умею. На первом курсе я за шоколадку подрубала джинсы всему этажу в общежитии. Экономка два раза распустила мой шов, молча, а на третий оставила.

— Узор по вороту она вышивала сама, — сказала госпожа Кранц и перекусила нитку. — Перед первым балом. Все пальцы исколола.

Больше я от неё в тот вечер ничего не услышала. Да мне и этого хватило.

* * *

Утром двенадцатого дня Лиана с Доротой укатили в Вельск, в храм Пары. Перед балом огненных чаш туда возят за благословением всех девиц на выданье, даже мельникову дочку, объяснила Агнета. Ну, храм так храм. Благословение не договор, подписи под ним не ставят.

Вернулись они к сумеркам. Дорота ругала дорогу, Лиана молчала и улыбалась сама себе. Платье ждало её в гостиной, на спинке дивана.

Она увидела и остановилась.

— Откуда?! Его же не было в сундуке!

— Миледи выкупила, — сказала госпожа Кранц.

Лиана повернулась ко мне. Я сидела в углу, где мне по уговору и положено.

— Выкупила. А закладывал кто?

— Я.

— Вы у меня сперва всё отнимаете! А потом возвращаете, и я ещё должна…

— Не должны.

Она дёрнула подбородком, сгребла платье и ушла за ширму.

Вышла она боком, придерживая юбку, рукава натянула на самые пальцы. Кайма леди Изольды легла по подолу, словно там и выросла, а над материным воротом горели веснушки. Лиана глянула в зеркало, пискнула и закружилась.

В дверях стоял генерал. Давно ли, я не заметила.

— Отец! Мамино! Глядите, мне впору!

— Вижу.

Он обошёл её кругом, строевым смотром. Поднял руку, не придумал, куда её деть, и тронул рукав.

— Плечи. Держи ровнее.

— Я же не на плацу!

И она засмеялась. За двенадцать дней я слышала это в первый раз. Он опустил руку.

— Она была мне по плечо, — сказал он, непонятно кому.

— Это прошлой зимой было по плечо, — отозвалась Дорота. — С весны переросла. Вы-то, батюшка, в лагере сидели.

— И матери выше на два пальца, — сказала госпожа Кранц.

— На два пальца, — повторил он.

Потом он сел на стул у стены, жёсткий, для просителей, и просидел там всю примерку, до последней булавки. Один раз подобрал с ковра обрезок парчи, подержал и положил в карман.

— Тридцать золотых перепишите на меня, — сказал он экономке. — Не на дом.

На меня он при этом не глядел. А я глядела на Лиану и думала про Анжелику Ланскую. У неё шестая глава называется «Башня». Как раз в этом месте злая мачеха запирает падчерицу,

чтобы та не попала на бал, а выпускает её прекрасный лорд. Ключей у меня теперь не было, кроме секретерного. Да хоть бы и были! Запереть — это обида, а за обиду я подписываю прошение в тот же час. И запирают-то как раз злодейки. Оставалось ехать на бал самой и весь вечер стоять рядом с ней, как пристав при ларце.

В дверь поскрёбся Клаус с подносом.

— Барышне. От лорда Сореля, человек его привёз.

Письма девице в этом доме подают сперва хозяйке. Картонка была без конверта, сложена вдвое и пахла лавандой. Я развернула её, прочла и по привычке глянула оборот. Генерал со своего стула следил за моими руками.

Строчка была одна, с завитками.

«Огненные чаши скажут правду, моя звезда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.